

КНИГА Н. Потапова «Живее всех живых» посвящена истории и современному развитию драматургической Ленинианы. День вчерашний встречается в ней с днем сегодняшним, историк помогает критику в исследовании традиций, в оценке побед, в анализе нерешенных задач Ленинианы.

Потапов рассматривает пьесы о Ленине, о революции в контексте общего движения советской драматургии и ее теории. Это, как мы понимаем, самоочевидная норма любого научного исследования. Тем не менее мне хочется назвать ее особенностью рецензируемой книги. Дело в том, что Н. Потапов полнее многих других своих коллег показывает, что в каждой новой пьесе «читаются» не только изображаемые в ней события, но и особенности времени, когда пьеса писалась. Он исходит при этом из того, что переоценка каких-то ценностей в искусстве естественна и неизбежна. С течением времени появляются произведения, которые, отражая требования породившей их жизни, приносят с собой новые идейно-эстетические критерии, дают новую «точку отсчета». Но это не значит, что все ранее созданное можно мерить на один аршин; внимания критики и ее уважения заслуживают и перемены, и накопления — подлинное искусство движется соединением традиции и поиска.

Н. Потапов. «Живее всех живых». «Советский писатель», 1969.

В своей книге Н. Потапов последовательно утверждает принципы историзма в подходе драматурга к изображаемому событию и в подходе критика к рассматриваемым пьесам. Он решительно защищает достойные такой защиты произведения драматической литературы от концепций упрощенческой, нормативной критики, не раз пытавшейся свести драматургическую Лениниану к общему знаменателю обязатель-

смысле страницы книги, посвященные «Кремлевским курантам». Подробно рассказав о том, как разные критики ставили под сомнение то одну, то другую особенность погодичной пьесы, Потапов замечает: «Происходит весьма любопытное явление. Четверть века дотошной критикой ведется инвентаризация погрешностей этого произведения. За вычетом всякого рода изъяснений, реальных и мнимых, в пьесе, казалось бы, уже ничего не остается. А между тем она как ни в чем не бывало продолжает свою сценическую жизнь и волнует зрителей сегодня, пожалуй, ничуть не меньше, чем в

ской Лениниане для Потапова — правда революции, правда великой жизни Ленина, а это значит, что важнейшим условием идейно-художественного успеха пьесы является ее историзм. С высоты накопленного нашей драматургией и теорией опыта Потапов остро и справедливо критикует авторов таких произведений, как «Великое зарево», «Незабываемый 1919-й», «Заря над Питером», за отступления от принципов ис-

тость» Ильича, силу и обаяние его мысли, революционную целеустремленность действий.

«Ленин здесь у кормила революции, — пишет Потапов о пьесе «Большой Кирилл» и о фильмах «В дни Октября» и «Залп «Авро-ры», — но как мало нам открылось в нем! И все потому, что мы видим здесь, что делает Ленин в великий момент истории, но не ощущаем по-настоящему, чего это ему стоит, не

ментализмом. Он пишет о натуралистическом копировании действительности, о фотографичности, вытесняющей художественную типизацию, и о других опасностях, подстерегающих художника, когда «документализм» остается для него внешней данью моде. И вместе с тем он раскрывает возможности документализма при подлинно творческом его использовании.

Почти все, писавшие о спектаклях, поставленных по пье-

так давно фильм «Шестое июля» был подвергнут несостоятельной, с моей точки зрения, критике в письме Н. Савинченко и А. Широкова в журнале «Огонек».

Не все в книге Н. Потапова равноценно. Так, Н. Потапов, по-моему, недостаточно последователен в анализе жанрового многообразия драматургической Ленинианы. Он, скажем, слишком охотно соглашается с теми искусствоведами, которые меланхолически констатируют, что бытующее у нас понятие эпичности «крайне расплывчато, произвольно и непродуктивно». Упорство в исследовании неисследованного, в ликвидации «белых пятен» на карте теории драмы более пристало бы автору книги. Даже ошибки в поиске истины были бы более плодотворны, нежели постоянная и неизбежная правота летописца, фиксирующего слабости. Уход от серьезного научного разговора о понятии эпичности в данном случае особенно огорчителен — ведь речь идет о драматургической Лениниане!

Есть в книге «Живее всех живых» «неравномерности» в развитии мысли. Скажем, если главы «Особенности историзма Ленинианы» и «Стиль и время» отмечены пафосом поиска, исследования, то в главе «Вождь и народ» есть страницы, где автор не идет дальше «систематизации» ранее сказанного.

В целом же книга «Живее всех живых» — работа серьезная, интересная и, нет сомнения, займет заметное место в литературе, посвященной истории и теории Ленинианы.

А. КАРАГАНОВ

ЖИВЕЕ ВСЕХ ЖИВЫХ

ного для всех образца. Он упрямо воюет против канонизации тех или иных принципов драматургической Ленинианы — будь это требование обязательных массовых сцен в пьесе о Ленине или изображения Ленина только в кульминациях великих событий. В одном случае пьеса не может состояться как произведение драматического искусства, если в ней не выведена на сцену масса, в другом случае массовые сцены могут оказаться иллюстративным «довеском» к основному действию, раскрывающему тему «вождь и народ» иными драматургическими средствами. Точно так же невозможны, по мысли Потапова, одинаково пригодные для всех пьес правила, дозирующие патетику и лирику, условность и бытовую достоверность. Драматурга, если это истинный художник, надо судить по тем законам, которые он над собой поставил. Весьма поучительны в этом

день премьеры... И невольно возникает вопрос: не важнее ли для критики разгадать «секрет» этой жизнеспособности, объяснить природу неуязвимого обаяния погодичского творения, чем «открыть» еще один недостаток?»

Сам автор рецензируемой книги идет именно по этому пути: он исследует и обобщает идейно-художественный опыт драматургической Ленинианы, внимательно отмечает все ценное, что было уже в «ученических пробах», проследживает пути к зрелости, анализирует новейшие открытия. При этом он щедро цитирует своих коллег, делает многочисленные сноски на монографии и статьи, посвященные Лениниане. Такое внимание к предшественникам помогает ему, соединяя информацию с анализом и полемикой, точнее самоопределяться в исследовании тех проблем, какие особенно занимают его и волнуют.

Главное в драматургиче-

торизма, за субъективистские переименования фактов истории в угоду сочиненным схемам.

Всем ходом своих рассуждений Потапов (вслед за Погодиным и другими создателями «золотого фонда» Ленинианы) утверждает: Ленина надо писать в драме по законам драмы или не писать вовсе. Он убедительно показывает художественную несостоятельность тех произведений, в которых образ Ленина решается иллюстративно: не умея или не смея подняться до разгадки образа поэзией, их авторы драматургически пересказывают общезвестное. «напоминают» о событиях революции и о действиях ее вождя, а работу над речевой характеристикой сводят к подбору соответствующих цитат.

Практика сцены и экранна свидетельствует, что драматург добивается успеха, когда ему удается передать «живую индивидуаль-

ощущаем того, каких гигантских усилий воли и духа требует от него роль руководителя восстания. Драматизм исторических обстоятельств не переходит здесь в драматизм характера вождя».

Много внимания в книге отведено проблемам стиля и жанра. Связывая опыт прошлого с сегодняшней практикой драматургии, Потапов внимательно проследживает, как на скрещении влияний жизни и внутренней логики самого искусства рождаются новые повороты и новые тенденции в развитии Ленинианы. Так в наши дни пришло в драматургическую Лениниану тяготение к документальности изображений.

При встречах с новыми явлениями и тенденциями в развитии драматургии всегда бывает очень важно отделить крайности увлечений, рождающие моду, от существенных завоеваний, обогащающих искусство, искусственные стилизации от поисков стиля, ма-нерничание от манеры, выражающей индивидуальность автора и потребности времени.

Потапов по-настоящему аналитичен в оценке сегодняшнего увлечения доку-

се «Шестое июля», напоминает Потапов, безоговорочно принимают авторское определение ее — «опыт документальной драмы». При этом акцент делается на слове «документальная». Между тем «Шестое июля» — это все-таки драма, развертывающаяся как историческая хроника точно зафиксированных событий. В ней сталкиваются не только разные точки зрения, но и разные характеры.

Говоря о недостатках «Шестого июля», Потапов солидаризируется с теми критиками, которые писали о том, что драматург порой теряет чувство меры в описании левозасерокового лагеря и его лидеров. Он отмечает, что многие персонажи пьесы и сценария выступают лишь как носители определенных политических взглядов, не обретая индивидуальной определенности конкретных характеров. Однако органическое соединение исторической хроники и драмы позволило драматургу, не сглаживая ни на минуту исторического конфликта, передать всю суровость июльских событий. Эти достоинства пьесы, как известно, получили развитие в фильме «Шестое июля». Мне хочется особо подчеркнуть объективность, взвешенность анализа «Шестого июля», содержащегося в книге Н. Потапова, в связи с тем, что не

29 ИЮЛ 1970

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

МОСКВА